

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Ледяев В.Г.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ: РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ¹

Могут ли зарубежные когнитивные модели успешно использоваться в исследованиях российской политики? Данная проблема рассматривается в статье на основе анализа опыта применения американских моделей в изучении власти в городских сообществах европейских стран и России. На протяжении длительного времени американские теории не получали широкого признания за пределами США. Ситуация изменилась с 1990-х гг. с появлением теории «городских режимов», которая сумела преодолеть недостатки более ранних подходов к изучению власти в локальных сообществах и постепенно стала использоваться исследователями стран Западной и Восточной Европы — как в аутентичной (классической) версии, так и (чаще) после определенной модификации. В европейских версиях понятие «городской режим» стало более широким и флексибельным, что позволило учесть специфику нового политико-институционального контекста. Первые эмпирические исследования власти в российских городах, выполненные в общем русле анализа городских режимов, показали, что, несмотря на существенные отличия российского и западного политического и культурного контекстов, в том числе связанные со слабостью правовых начал и сильной авторитарной составляющей российской политики, зарубежный опыт является, безусловно, востребованным. Его использование необходимо для прояснения проблемного поля, выработки рабочих гипотез, систематизации имеющихся теоретических и концептуальных ресурсов, классификаций форм власти и режимов, помещения исследования власти в российский локальных сообществах в сравнительную перспективу.

Ключевые слова: *власть, социология власти, локальная политика, городские режимы, зарубежный опыт*

¹ Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом (грант 14-03-00151) и Научным Фондом ВШЭ.

Могут ли когнитивные модели, разработанные для исследования политических практик в США, Европе и других странах успешно применены для анализа российской политики? Ответы на данный вопрос варьируются от вполне оптимистического «да, разумеется», до категорического «нет, это невозможно». Но большинство исследователей склонны к поиску возможностей адаптации «чужих» моделей, позволяющей учесть специфику нового контекста и/или сделать их более гибкими.

Богатую пищу для размышлений над проблемой дают история и опыт изучения власти в локальных сообществах. Данное направление исследований, безусловно, является одной из наиболее продвинутых отраслей политической науки и социологии (Harding 2009: 27-39). Начиная с середины XX века были проведены сотни исследований; в них использовались различные методы изучения власти и способы объяснения ее распределения, обобщен гигантский эмпирический материал, позволивший расширить и углубить знание многих важнейших аспектов политической жизни и функционирования социума (Ледяев 2010: 23-52). Результаты исследований интересны не только сами по себе, но и в плане анализа возможностей и перспектив использования теорий и моделей исследования в иных социально-политических и культурных контекстах: эволюция отрасли характеризуется не только ростом числа исследований и совершенствованием методологии, но и расширением их географии, а вопрос о валидности заимствованных моделей исследования постоянно дебатировался.

По различным причинам власть в локальных сообществах длительное время изучалось в основном в США, и уже значительно позднее — в 1990-е годы — американские модели были экспортированы в Европу и другие части света.

Исследования городской политики в европейских странах, разумеется, имели место и раньше, но по своей проблематике и характеру они существенно отличались от того, что наблюдалось в американской политической науке и социологии. В частности, в Великобритании ее исследование фактически совпадало с изучением публичной власти и управления (government) (Leach R., Percy-Smith J. 2001: 1). Для британской политики, подчеркивал К. Ньютон, «вопрос ‘кто правит?’ не является проблемой... Просто начните с избранных и назначенных людей в местных органах власти. Исследование может привести в Уайтхолл, Вестминстер, в местные партийные организации, группы давления,

комитеты городского совета, каким-то чиновникам или к их комбинации» (Newton 1975:12). Такой ракурс исследования власти был обусловлен тем, что в Великобритании «вся политическая система выстроена вокруг Лондона и основных политических партий», а «права и обязанности местной власти жестко заданы центром» (Newton 1976: 3).

Административный фокус, имевший место и в исследованиях городской политики в других европейских странах был вполне оправдан и обусловлен спецификой политических институтов и традиций в европейской городской политике. В их числе: более значимая роль городских политико-административных элит (обусловленная более централизованной системой государственного управления, сравнительно небольшой долей финансирования городских проектов и кампаний из местных источников), наличие сильных политических партий и меньшая политическая мобилизованность бизнеса. Редкие попытки применить американские модели для изучения власти в европейских городах обычно подтверждали явное превалирование акторов публичного сектора в городской политике. Например, сравнительное исследование власти в городских сообществах различных стран, проведенное Делбертом Миллером (Miller 1958:9-15; Miller 1970) показало, что в европейском городе (Бристоль) центральную роль играл Городской совет, в котором активную роль играют комитеты, а решения по основным вопросам принимались на партийной основе (подробнее см. Ледяев 2010: 73-90).

Ситуация существенно изменилась в последние два десятилетия в связи с появлением новых моделей исследования власти в локальных сообществах — теорий «машин роста» и «городских режимов»; последняя в настоящее время стала самой влиятельной теорией городской политики (Davies, Imbrossio 2009:2; Ледяев 2006: 46-68). Популярность теории за пределами США была обусловлена двумя обстоятельствами: 1) в ней были в значительной степени преодолены недостатки более ранних моделей исследования власти; 2) в последние десятилетия произошли существенные изменения в характере городского управления, обозначаемые аналитиками как переход от «urban government» к «urban governance». Они связаны с тем, что появление международных секторов экономики, интернациональных экономических институтов, мобильной системы инвестиций капитала ослабляет возможности городских властей (government) контролировать развитие города. В условиях растущей сложности и многомерности социальной жизни, менее одно-

значных, чем в прошлом связей горожан с территорией их проживания, укрепления тенденций к децентрализации политической жизни в связи с потребностями учета разнообразных и противоречивых местных интересов система принятия политических решений, в которой ранее доминировали публичные политики, трансформируется в более сложный по своему представительству механизм управления, где власть, ресурсы и ответственность принадлежат не только «официальным лицам», но и довольно широкому спектру других участников городской политики, в том числе бизнесу.

Перенос американских моделей на европейскую почву осуществлялся с помощью двух исследовательских стратегий. Наиболее распространенная стратегия заключалась в *адаптации американской модели через коррекцию некоторых ее постулатов и достижение большей гибкости*. Новые институциональные контексты использования американских теорий вызвали изменения как в самой теории городских режимов, так и в описании режимов, обнаруженных в европейских городах. Прежде всего, произошло расширение понятия «городской режим», которое фактически отождествляется с понятием «городское политико-экономическое управление» (urban governance); оно стало более эластичным в силу того, что исследователи отказались от признаков надежности и длительности, обязательных для американских версий теории городских режимов. Тем самым подразумевается, что всегда есть какой-то уровень кооперации между публичным и частным секторами, а режим имеет место в любом городе. Другое основное отличие европейских версий и аппликаций теории городских режимов заключается в том, что акцент в анализе взаимодействия публичных и частных акторов ставится на публичных структурах и в меньшей степени исследуется роль частного сектора в выстраивании коалиций акторов. При этом в центре внимания оказываются формальные механизмы, структуры и институты, прежде всего, публично-частные партнерства и квази-независимые неправительственные организации.

Исследования в европейских городах (А. Ди Гаэтано и Дж. Клемански, К. Доудинг, П. Джон и Э. Коул, Э. Стром, Д. Уэллер, Э. Стром и др.) показали определенные отличия городских режимов в европейских городах, обусловленные спецификой политических институтов и традиций в европейской городской политике. Взаимоотношения между публичной властью и группами интересов в европейских странах имеют несколько иной характер, чем в США. Государственная власть перевер-

шивает все остальные элементы политического процесса и тем самым ограничивает возможности формирования коалиционной политики; поэтому, несмотря на тенденции к возрастанию влияния бизнеса, ключевые решения по основным вопросам развития городов по-прежнему принимают политические лидеры. Государство остается центром политического притяжения, а наиболее значимую роль играют вертикальные и горизонтальные связи в публичном секторе. Общий вывод, к которому приходит большинство исследователей, состоит в том, что, хотя в Европе городские коалиции, выступающие за экономический рост, и становятся все более значимым фактором городской политики, они не играют доминирующей роли, как в Соединенных Штатах; бизнес участвует в них, но по-прежнему главенствующее место занимает публичная власть (Ледяев 2008: 32-60).

Имели место и *попытки применения аутентичной стоуновской (Stone 1989) модели исследования городских сообществ*. В частности, в исследовании Н. Холман в Портсмуте (Holman 2007: 435-453). Режим в ее понимании — это стабильное взаимодействие акторов публичного и частного секторов на основе формальных и неформальных связей; ресурсы акторов взаимодополняют друг друга и позволяют добиться результата, недостижимого без стабильной коалиции; кооперация основана на доверии; у режима есть определенная повестка дня или набор стратегических целей и др. — всего 10 основных параметров, по которым она определяла наличие/отсутствие режима в Портсмуте. Исследование показало, что в 1990-е гг. в Портсмуте сложился режим — сеть публичных и частных акторов, участвовавших в принятии решений по развитию города и определявших принципы и правила взаимодействия между собой. Формирование сильной кросс-секторальной структуры и наличие харизматических акторов из разных секторов, уже имевших длительные профессиональные и/или персональные связи и общее видение перспектив развития города Холман считает важнейшими предпосылками в целом успешного формирования режима в Портсмуте. Результаты исследования подтвердили значимость нового контекста формирования режимов в Великобритании, связанного с изменением роли местных органов власти, институциональной фрагментацией и переходом от government к governance, усиливающими необходимость кооперации публичного и частного секторов.

Несколько менее оптимистичными в контексте возможностей использования оригинальных американских моделей в европейском кон-

тексте оказались результаты исследования А. Хардинга в Манчестере и Эдинбурге (Harding 2000: 54-71). Однозначно ответить на главный вопрос, сформировались ли в Манчестере и Эдинбурге городские режимы, Хардинг не смог. С точки зрения стоуновской трактовки режима, включающей в качестве обязательных признаков стабильность и длительность, в обоих британских городах не было режима, аналогичного режиму, обнаруженному Стоуном в Атланте. Влияние коалиций развития ограничивалось отдельными стратегиями и проектами, а не общей конфигурацией основных вопросов городской политики. Основная причина заключалась в том, что способность местных властей обеспечивать население услугами в Великобритании в меньшей степени (по сравнению с США) зависит от местных экономических факторов, чем от финансовой поддержки центра. Открытым остался и вопрос о перспективах правящих коалиций в обоих городах, поскольку они, как отмечает Хардинг, очень зависят от конкретных людей, образующих ее основу. Тем не менее, Хардинг считает, что режимная теория дает бóльшие эвристические возможности для анализа и сравнения опыта коалиций в городах, чем иные подходы к изучению городской политики.

Анализ этих и других исследований показывает, что городские режимы (в стоуновской интерпретации) не типичны для западноевропейских городов; источником наиболее существенных отличий американских и европейских городских режимов исследователи называют различия в их институциональной структуре. Акторы публичного сектора по-прежнему доминируют в городском политическом пространстве, хотя глобализация и переход от *government* к *governance* способствуют повышению властного потенциала частного сектора. По сравнению с американской, городская политическая повестка менее сфокусирована на рост, более — на социальные и экологические вопросы. В целом, использование американских моделей в европейском контексте оказалось вполне успешным и способствовало включению исследования власти и локальных режимов в сравнительную перспективу¹.

¹ С этим выводом согласились не все исследователи, особенно на начальном этапе проникновения американских теорий на европейский континент. Некоторые авторы достаточно категорично утверждали, что теория городских режимов (и тем более «машин роста») не может быть использована за предела-

В контексте возможностей использования зарубежного опыта для изучения власти в российских локальных сообществах особый интерес представляют попытки применения рассмотренных подходов в странах, не имеющих длительных и прочных либерально-демократических традиций, в частности в *постсоциалистических странах*. Исследования Л. Кульчара и Т. Домокоша в Венгрии, Ф. Коха и И. Саган в Польше непосредственно опирались на американские и западно-европейские концепции машин роста и городских режимов, а их авторы полагали, что они вполне применимы для изучения власти в Восточной Европе и дают возможность объяснить характер и динамику властных отношений в этих странах (Kulcsar, Domokos 2005:550-563; Koch 2009a:129-139; Koch 2009b:333-357; Sagan 2008:93-109). В частности, в венгерских городах было обнаружено доминирование машин роста, в составе которых превалировали представители местных административных структур. В Польше характер политико-экономического управления и процессы складывания городских режимов в различных городских сообществах заметно различались. В частности, в Варшаве, как показывает исследование Коха, стабильный режим в его классическом понимании не сложился. Однако его отсутствие было обусловлено в основном ситуативными факторами, тогда как в целом постсоциалистические трансформации содействовали появлению условий, способствующих формированию городских режимов. Оценивая эвристический потенциал американских теорий, исследователь полагает, что использование теории городских режимов с ее фокусом на формальных и неформальных властных практиках и взаимоотношениях между частными и публичными акторами может быть особенно плодотворным при изучении политических процессов в постсоциалистических странах, поскольку характер властных отношений в городах Восточной и Центральной

ми США и/или не имеет существенного эвристического потенциала для проведения кросс-национальных исследований. Другие хотя и признавали возможность применения теории за пределами США, призывали к «осторожности» в применении американских моделей, особенно в отношении роли местной власти в решении экономических и социальных проблем. Имели место и еще более пессимистические взгляды на проблему, особенно среди тех авторов, которые ставили под сомнение валидность теории даже в контексте анализа американской городской политики в силу структурных недостатков, заложенных в самой теории. Однако в целом отношение европейских исследователей к американским теориям скорее позитивное (См. Ледяев 2012: 393-395).

Европы остается «менее определенным, чем в западноевропейских городах», а в политической сфере постсоциалистических городов имеет место сочетание типичных европейских (сильное государство) и американских паттернов, обусловленных развитием рыночных механизмов.

Наконец, *изучение городских и региональных политических режимов на основе зарубежного опыта начинается и в России* (См. Gel'man, Ryzhenkov 2012: 449-465; Ледяев 2012: 418-442). На первый взгляд, современные тенденции в российской политике делают городские и региональные режимы маловероятными в силу преобладания административно-политических механизмов управления и укрепления «вертикали власти». Слабость либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, расширение бюрократического контроля и сужение сферы публичной политики, широкое использование «административного ресурса» и отсутствие независимой правоохранительной системы, казалось бы, полностью исключают предпосылки и возможности установления стабильных партнерских (равноправных) отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами. Исследователи подчеркивают, что специфика российского контекста, задающая направление анализа локальных режимов обусловлена модальностью политических институтов общенационального уровня: имевшая место в последнее десятилетие консолидация авторитарного режима во многом предопределила характер становления и развития и локальных режимов.

Этот контекст существенно отличается от стандартных условий становления и развития современных городских режимов на Западе. Однако накладывая ограничения, он полностью не препятствует возникновению режимов в российских городах, поскольку аппарат власти безразличен как к некоторым результатам политического процесса, так и к тем средствам, с помощью которых эти результаты достигаются. Многие вопросы отданы на откуп локальным акторам, хотя центр сохраняет способность селективно применить к ним санкции за нарушение формальных и/или неформальных «правил игры». Более того, «общенациональный режим создает разнообразные, пусть и противоречивые, стимулы для проведения как активного, так и реактивного политического курса на региональном и/или местном уровне, для создания в рамках локальных режимов как распределительных коалиций, так и коалиций роста, и даже допускает элементы, характерные для прогрессистской коалиций». Вместе с тем, траектории функционирования и

развития российских городских режимов принципиально отличаются от режимов в американских и европейских городах, поскольку «там работает другая институциональная логика». Современные западные режимы существуют в условиях политической конкуренции, заставляющей местных политиков действовать и в интересах тех или иных групп городского населения, а невозможность нарушать право частной собственности дает собственникам мощный ресурс влияния на власть. В авторитарных режимах «главный интерес локальных политиков и чиновников заключается в получении «сверху» назначения на должность и сохранение ее в обмен на реализацию целей режима»; при этом «власть может использовать ресурсы частного бизнеса, принуждая частично передавать их в ее руки». Влияние политических институтов федерального и регионального уровней остается неоднозначным: формальные правила, заданные центром «не приобрели — по крайней мере, пока — предписывающей роли. По большей мере они служат «фасадом» для неформальных механизмов согласования интересов, не препятствующим ни одному из возможных исходов конфликтов между политическими и экономическими акторами» (Рыженков 2010: 63-72).

Отечественные исследователи, как и их европейские коллеги, обычно стремятся адаптировать стоуновскую концепцию. В частности, в пилотном исследовательском проекте коллектива под руководством В. Гельмана под локальным режимом понималась «устойчивая констелляция акторов, институтов, ресурсов и стратегий на локальном уровне, обуславливающая характер осуществления местной власти и локального политико-экономического управления, основанного на реализации политического курса на местном уровне». Функционирование режима рассматривалось как результат влияния структурных факторов (природные, географические, демографические, социально-экономические и другие условия жизнедеятельности городских сообществ), политических возможностей (характеристики политической и институциональной среды — конфигурации акторов, их ресурсов и стратегий, «правила игры»), формальные и неформальные практики политической деятельности) и механизмов политико-экономического управления, осуществляемого на вышестоящих уровнях власти по отношению к местным акторам и структурам. Базовая типологии городских режимов была построена на основе стоуновской классификации и модифицирована для российского контекста:

- 1) режим поддержания статус-кво, основанный на распределении ресурсов, главным образом в социальной сфере;
- 2) режим роста и развития, предполагающий экспансию бизнеса и ускоренный рост городов;
- 3) прогрессистский режим, ориентированный на ограничение роста, сохранение и улучшение окружающей среды.

Кроме нее, в анализе использовалась типология, уже апробированная для изучения региональных режимов, в соответствии с которой режимы подразделяются на полицентрические (плюралистические) и монополистические в зависимости от наличия или отсутствия доминирующего актора. В рамках последнего, в свою очередь, различаются (1) «режим большого бизнеса» (доминирование бизнеса) и (2) «административный локальный режим» (Гельман 2010: 53-62).

Исследование показало, что в современных российских городах вряд ли имеет место преобладание какого-то одного типа локального режима; скорее можно предположить их мозаичное «соседство» и «существование». При этом некоторые тенденции и закономерности в развитии российских локальных режимов отчасти соотносятся с американскими и европейскими аналогами. В частности, элементы локального режима поддержания статус-кво в наибольшей степени характерны для малых и средних городов, где доминируют коалиции, осуществляющие дележ ограниченного объема бюджетных ресурсов, значительная доля которых распределяется на вышестоящих уровнях власти и управления. В крупных городах экономический рост стимулировал появление «элементов локального режима роста и развития», сопоставимых с «машинами роста» в американских городах, хотя и с несколько иными конфигурациями участников. В ряде крупных городов возникли и локальные общественные движения, хотя нигде они так и не смогли стать частью правящих коалиций.

В ряде исследований режимов в российских городах и регионах использовались концепции режима, существенно отличающиеся от зарубежных аналогов (Туровский 2009: 77-95). В силу специфического характера российского общества многие авторы предпочитают использовать «универсальное» определение политического режима, не связывающее его с четко очерченным набором конкретных характеристик, что, по их мнению, расширяет возможности классификации режимов. Обычно под режимом понимается совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий

борьбы за достижение и/или удержание власти. Подразумевается, что режим есть в каждом регионе, и он может изменяться. В качестве важнейшего основания классификации режимов обычно рассматривается степень концентрации власти (моноцентрические и полицентрические режимы), характер взаимоотношений между основными акторами («авторитарная ситуация», «гибридный режим», «демократическая ситуация»), уровень «полиархичности» режимов и т.п.

Данный подход также представляется вполне обоснованным и весьма продуктивным для анализа политических процессов в России. В отличие от США и Западной Европы, где демократическая практика имеет длительные традиции, в России городские и региональные политические процессы, как и политические процессы на федеральном уровне, имеют сильную авторитарную составляющую; поэтому сделанный авторами акцент на показателях уровня демократичности политической практики, бесспорно, оправдан и отражает наиболее важные исследовательские предпочтения, задаваемые реальной ситуацией.

Наконец, в последние годы были предприняты попытки изучения власти в городских сообществах, опирающиеся на классические теории локальных режимов (Чирикова, Ледяев, Сельцер 2014: 88-105; Чирикова, Ледяев 2015; Пустовойт 2013: 78-87; Пустовойт 2014: 85-106). В исследовании власти в ряде малых городов Пермской, Ивановской и Тамбовской областей, проведенном в 2011-2014 гг. под руководством автора, специальное внимание уделялось вопросу о валидности зарубежных моделей исследования и возможностях их успешного использования для изучения российской политической практики. Общий вывод относительно эвристического потенциала зарубежных моделей вполне оптимистичен: *имеющиеся модели, безусловно, могут и должны использоваться отечественными исследователями.*

Релевантность и значимость зарубежного опыта изучения власти и режимов в городских сообществах более всего очевидны в контексте *обозначения и уточнения проблематики исследования власти, разработки рабочих гипотез и систематизации имеющихся теоретических и концептуальных ресурсов.* Проведенное нами исследование показало, что *основная проблематика изучения власти в любых городских сообществах — американских, европейских или российских — во многом идентична.* Исследователей власти всегда интересует конфигурация наиболее влиятельных акторов городской политики, основания и ресур-

сы их власти, характер взаимоотношений и основные эффекты сложившейся системы власти. Именно эти аспекты социально-политической реальности находятся в центре внимания исследователей городских режимов и они являются наиболее актуальными и значимыми для понимания власти в российских городах и регионах. Независимо от того, насколько содержательные выводы проведенного исследования совпали или не совпали с результатами зарубежных исследований, тематические блоки, вокруг которых строился проект, оказались близкими по своему содержанию к тем, которые использовались для изучения американских и европейских городов. В них были включены наиболее влиятельные акторы городской политики; соотношение формальных и неформальных оснований их власти; основные характеристики и особенности коалиций между представителями публичного (государственного и муниципального) и частного (бизнес, НКО, криминал) секторов, а также электоральные коалиции и коалиции акторов публичного сектора; специфика лидерства и отношений между лидерами и их командами; роль различных институтов в формировании властных отношений в городских сообществах; повестка дня и направленность (тип) режима; основные факторы, определяющие особенности городской политики, в том числе внешние; состояние гражданского общества и демократический потенциал городской политики; и др.

Наряду с проблематизацией и логикой исследования, зарубежный опыт изучения городских режимов оказался востребованным и в контексте *использования апробированных концептуальных схем*. В частности, подтвердила свой эвристический потенциал многомерная концепция власти Стоуна, акцентирующая внимание на нескольких взаимосвязанных аспектах (формах) власти и значимых понятийных дистинкциях. Данное исследование подтвердило важность рассмотрения властных отношений во взаимосвязи двух ее базовых (по Стоуну) модусов — «власти над» (аспект социального контроля, связанный с отношениями командования и подчинения) и «власти для» («социальное производство», способность добиваться поставленных целей в результате совместных усилий различных акторов).

В рамках последней крайне важной для объяснения отечественной политической практики представляется стоуновская концепция «власти договариваться» (*bargaining power*), подчеркивающая роль соответствующих умений и навыков акторов городской политики, без которых трудно обеспечить стабильность и эффективность властных отноше-

ний в целом. Это хорошо иллюстрирует эмпирический материал, характеризующий качества и ресурсы лидеров во всех исследуемых городах: в российских локальных сообществах, как и в обществе в целом, власть имеет сильную персоналистскую составляющую; поэтому данный аспект властных отношений имеет едва ли не решающее значение в контексте перспектив складывания режимных коалиций, а наличие/отсутствие данного ресурса, как правило, предопределяет властный потенциал ключевых акторов. Полученные данные свидетельствуют, что все влиятельные акторы, прежде всего, руководители городов и районов, стремились по возможности избегать силовых способов решения проблем, предпочитая договариваться. Аналогичных стратегий придерживались и другие участники городской политики, в том числе бизнес и криминальные структуры.

Исследование подтвердило и продуктивность концепции «экологической власти», которая, по Стоуну, представляет собой способность субъекта обеспечить сохранение благоприятных институциональных правил социального взаимодействия, возможность «формировать контекст» и «вносить изменения в социальное окружение» (Stone 1986: 84). Локальные элиты, как следует из интервью, стремятся выстроить оптимальную для них коммуникативную и институциональную среду; именно в этом они видят гарантию стабильности своего положения и условия достижения поставленных целей. Формирование институциональных правил — формальных и неформальных — часто проявляется не столько во внесении изменений, сколько, как показывает российская практика, в сохранении имеющегося статус-кво, что и отразилось на характере власти (квазирежимов) в исследуемых городах.

Наконец, исследование показало, что *американские и европейские классификации режимов вполне применимы*, хотя некоторые коррекции и новации желательны. В частности, сами респонденты вполне лояльно отнеслись к базовой стоуновской классификации, и она не вызвала у них серьезных возражений. Нам представляется, что для уточнения специфики и особенностей власти в российских локальных сообществах вполне релевантны и европейские классификации режимов, в частности те, которые включают городские режимы, находящиеся в сильной финансовой зависимости от структур власти более высокого уровня (велферный режим по классификации Й. Пьера (Pierre 1999: 377-389), режимы «поддержки сверху» («дистрибутив-

ный»¹, «грантополучатель»², «клиентелистский»³) П. Кантора, Х. Сэвитча и С. Хэддок (Kantor, Savitch, Haddock 1997:348-377) и др.

Гипотеза о релевантности и значимости зарубежного опыта изучения власти и режимов в городских сообществах в значительной мере подтвердилась и содержательными результатами и выводами исследования. Как и предполагалось, многие структурные и процессуальные аспекты власти в локальных сообществах российских городов оказались вполне сопоставимыми с теми, которые были выявлены в американских и европейских исследованиях. В частности, *оказались схожими конфигурации основных акторов городской политики:* как и в американских городах, ключевую роль играют представители наиболее ресурсных групп локального сообщества — политики, чиновники и бизнесмены. Отличия «российской» конфигурации акторов локальной политики скорее касаются акторов второго уровня влияния и не являются настолько существенными, чтобы поставить под сомнение логику и схему режимного анализа.

¹ В этом режиме доминируют политические элиты, использующие публичные ресурсы; гражданский (демократический) контроль ограничен и потому они не очень склонны к представительным коалициям и использованию потенциала бизнеса в интересах широких слоев; сильные партийные машины ограничивают возможности кооперации и тем самым затрудняют принятие и поддержку долгосрочных программ экономического развития, от которых бизнес нередко дистанцируется.

² Движущей силой развития городов выступают гранты (субсидии) — как от центрального правительства, так и от региональных властей. Такие режимы характерны для городских сообществ с достаточно высоким уровнем общественной и политической активности. Правящие коалиции ориентируются на различные формы поддержки сверху для возрождения бизнеса и повышения благосостояния общности, а отношения с государственными структурами и их помощь фактически замещают функцию частного инвестирования. В этих режимах влияние бизнеса более ограничено, чем в других.

³ Данный режим, также как и предыдущий, ориентирован на сохранение привилегий политических элит, которым с помощью ресурсов публичного сектора удается установить и поддерживать патронажные отношения с бизнесом. Это достаточно закрытый режим, формирующийся в условиях слабых демократических традиций, пренебрежения коллективными интересами жителей города и инструментальным отношением к политической власти.

Много общего обнаруживается и в характере, формах и методах осуществления власти. Как в отечественной, так и в зарубежной локальной политике используется весь традиционный набор методов воздействия субъекта на объект (сила, принуждение, убеждение, манипуляция, авторитет), а дискуссионными остаются вопросы о соотношении роли формальных и неформальных практик, команды и торга, публичных и теневых способов осуществления власти. По-видимому, можно утверждать, что в отечественной политической практике (и не только на локальном уровне) более весомую роль играют неформальные способы взаимодействия, а также актуальные и потенциальные угрозы (в силу более слабой правовой системы и защиты индивидуальных свобод и собственности). Но в целом набор ресурсов и практик их использования вполне сопоставим; при этом, судя по зарубежным исследованиям, доля неформального начала велика и в странах с устойчивыми либерально-демократическими традициями. Участниками локальной политики всегда выступают не только лица и группы, имеющие легальный статус (представители региональной и муниципальной власти, партийные структуры, общественно-политические, местные, профессиональные и другие организации), но и неформальные объединения (кланы, команды, клиентелы).

Результаты продемонстрировали, что *умение договариваться* — одно из обязательных условий успешного *выстраивания режимных коалиций* — является крайне важным ресурсом в российской локальной политике. Все реальные лидеры изучаемых городских сообществ обладали данным ресурсом. Наиболее показательной в этом отношении стала ситуация, сложившаяся в одном из городов Пермского края, где наибольшим влиянием в районной администрации обладало не первое лицо, а один из его заместителей — во многом благодаря умению выстраивать отношения с другими субъектами политики. Исследование подтвердило один из основных постулатов Стоуна: лидерство и формирование коалиций в локальном сообществе не бывают автоматически (структурно детерминированными), а становятся результатом сознательных усилий акторов, обладающих соответствующей мотивацией, персональными ресурсами и социальным капиталом.

Данное обстоятельством является косвенным свидетельством *сохранения значительной автономии местных акторов и городской политики в целом*. Как и предполагалось, «вертикаль власти» не стала неодолимым препятствием для самостоятельной деятельности субъек-

тов локальной политики в достаточно широком коридоре возможностей. «Самой политики очень много» — таково мнение представителей местной элиты. Власть более высокого уровня, разумеется, так или иначе присутствует. Если территория представляет для нее интерес, то региональная власть *может* осуществлять формирование городского политического пространства и решить ситуацию в своих интересах (обычно для этого используются административные и финансовые ресурсы). Но, как свидетельствуют наши результаты, региональные элиты отнюдь не всегда прибегают к этому, поскольку издержки вмешательства достаточно очевидны. А главное, многие города районного значения, судя по всему, не вызывают особого интереса регионалов и федералов. Таким образом, сложившаяся ситуация не препятствует разнообразию политических практик, доступных на локальном уровне и не исключает возможности формирования стабильной кооперации акторов.

Нами было продемонстрировано, что *коалиционная составляющая городской политики весьма значительна*. В городах возникли коалиции разного характера — как на преимущественно формальной основе, так и неформальные. Наиболее значимые коалиции естественно возникают между акторами, обладающими существенными ресурсами — руководителями города и района, различными институциональными образованиями публичной власти и наиболее влиятельным бизнесом. Состав, характер и основные параметры коалиции зависят от многих факторов, в том числе структурных. В частности, в моногороде Пермского края практически обязательным участником властвующей коалиции является градообразующее предприятие, без ресурсов которого не только невозможно реализовать какие-либо стратегические планы, но даже успешно поддерживать основные функции управления городом. Однако и в этих условиях коалиция не возникает автоматически. Как и у Стоуна, кооперация является не данностью, а скорее проблемой: она должна быть достигнута в результате совместных усилий зависимых друг от друга акторов.

Исследование показало, что формирующиеся коалиции часто не обладают всеми признаками городского режима, но они в любом случае стимулируют обращение к логике режимного анализа, направленного на выявление факторов, обуславливающих формирование и сохранение правящих коалиций, их стабильность и изменчивость. Кто составляет правящую коалицию? Как формируется коалиция? Каковы последствия

осуществления политики правящей коалиции? Эти вопросы, поставленные Стоуном в его исследовании в Атланте (Stone 1989:6), образовали смысловое ядро и нашего исследования. И хотя мы не обнаружили полноценные (по Стоуну) режимы в городах, ставших предметом исследования, зафиксированные нами отношения между акторами имели немало аналогий с американскими и европейскими паттернами.

В частности, инициаторами коалиций (например, между властью и бизнесом), обычно выступают обе стороны, мотивируемые перспективами достижения выгоды от кооперации. Хотя коалиции и не всегда изначально полностью добровольные, *некоторые из них оказываются довольно прочными и не распадаются вместе с изменениями в составе руководства города или компании*. Это обусловлено тем, что участники коалиции так или иначе получают выгоду из сложившихся отношений (не обязательно одинаковую) и потому в целом заинтересованы в ее сохранении; при этом понимание важности выстраивания стабильных отношений между бизнесом и акторами, представляющими публичную власть, присуще обеим сторонам. Как и в других странах, коалиции обычно строятся на комбинации формальных и неформальных договоренностей, что, по Стоуну, является обязательным условием их прочности и эффективности. Наряду со стабильными коалициями, во многом определяющими ключевые аспекты городской политики, возникает немало эпизодических коалиций, создаваемых для решения отдельных или локальных задач. Они хотя и не играют решающей роли в городском политическом пространстве, тем не менее, во многом определяют общий климат отношений и поддерживают сложившиеся правила игры.

Коалиционные отношения складываются и между различными структурами и акторами публичной власти, что вполне характерно для европейских городов. В российских городах, судя по результатам исследования, распространены коалиции между главой (администрацией) города и локальными легислатурами. Хотя принципы и практики формирования местных органов представительной власти далеки от демократических стандартов (их формирование часто фактически зависит от воли местной администрации), а потому исполнительная власть изначально доминирует в этой паре, *отношения между ними все же не являются чисто отношениями командования/подчинения*. Некие предварительные договоренности между сторонами возникают еще на этапе формирования электоральных коалиций, и многие будущие депутаты изначально согласны не противостоять власти, а поддерживать ее. В то

же время, представители исполнительной власти предпочитают выстраивать отношения, опирающиеся на компромисс и торг, а не прямое давление.

Результаты исследования показали, что *некоторые закономерности формирования и функционирования властных отношений, обнаруженные американскими и европейскими исследователями, имеют место и в пространстве отечественной локальной политики*. Например, это было хорошо заметно по результатам исследования в моногороде Пермского края. Властный потенциал градообразующего предприятия оказался очень высок, а конфигурация форм и механизмов его проявления (и прежде всего скрытый по преимуществу характер влияния заводской элиты на городскую политику через «правление предвиденных реакций» и «второе измерение власти») вызвала очевидные ассоциации с ситуациями, описанными М. Кренсоном и Дж. Гэвентой по результатам известных исследований в Гэри и Клеар Фолк Уэлли, в политической сфере которых также доминировали представители крупнейших экономических субъектов, власть которых осуществлялась не столько через механизмы лоббирования и инициации решений, сколько через выстроенную систему предпочтений и позиционирование их интересов как всеобщих (см. Ледяев 2008: 205-224).

Другая закономерность, выявленная по результатам зарубежных исследований городских режимов и в какой-то мере подтвержденная выводами данного исследования, состоит в том, что *в небольших по численности городских сообществах более вероятно складывание режима (квазирежима) сервиса (статус-кво)*. Элементы режима развития, разумеется, тоже присутствуют, но в меньшей степени. Объяснение совпадает с выводами зарубежных исследователей городских режимов: стратегия роста требует существенно большего объема различных ресурсов; в небольших сообществах их, для данных целей, обычно не хватает — как у самой администрации, так и у местного бизнеса. Поэтому возникновение режимов развития в небольших городках наиболее вероятно в тех случаях, когда они включаются в сферу серьезных экономических программ, финансируемых субъектами власти более высоких уровней.

Эти и другие сюжеты свидетельствуют о том, что зарубежный опыт и модели исследования городских режимов вполне релевантны российскому контексту: многие элементы и ресурсы режимного анализа городской политики работают и при объяснении власти в российских локальных сообществах.

Однако проведенное исследование зафиксировало целый ряд *особенностей в практике функционирования властных отношений* в изучаемых городах. Наиболее существенными отличиями российской локальной политической практики от европейской и американской нам представляются следующие:

- (1) не вполне добровольный характер сотрудничества значительной части бизнеса с местной властью, «социальная ответственность бизнеса» и «кооперация» как условие выживания бизнеса;
- (2) преобладание корыстных (эгоистических, корпоративных) мотивов в реальной повестке дня;
- (3) «двойная идентичность» местной политико-административной элиты: многие местные политики и чиновники являются вполне успешными бизнесменами;
- (4) неформальная составляющая существенно превалирует над формальной;
- (5) бóльшая конгруэнтность неформальных механизмов взаимодействия реальной повестке («распил») и характеру отношений между основными акторами (очевидная асимметрия в пользу административного сектора);
- (6) в городах сформировались скорее элитистские структуры власти, а не режимные коалиции: локальные сообщества фактически управляются узкими элитными группами, состоящими из высших представителей администрации, крупнейших бизнесменов и в меньшей степени представителей локальной (городской и районной) легислатур (Чирикова, Ледаев, Сельцер 2014: 88-105).

Эти особенности не ставят под сомнение валидность зарубежных моделей, но требуют, как уже отмечалось ранее, внесения некоторых корректив в теоретические и концептуальные основания исследования. Представляется очевидной необходимость выработки новых классификаций форм власти (режимов), отличных от предложенной Стоуном и европейскими исследователями: из перечисленных Стоуном типов режимов в российских условиях реально возможны только коалиции (режимы) развития и статус-кво. По аналогии с европейскими модификациями стоуновской модели, российская модель также может быть более гибкой и охватывать не вполне добровольные коалиции акторов, которые представляются вполне типичными для стран с сильной авторитарной составляющей. Специальное место в концепции следует уделить роли федеральных и региональных акторов в локальной

политике, которая, судя по всему, более вариативна, по сравнению политическими практиками в Европе и Америке в силу не только территориального многообразия российского социума, но и особой значимости персонального фактора.

Наконец, зарубежные модели могут использоваться и для изучения власти на региональном уровне, который в отечественной исследовательской практике традиционно превалировал над локальным (городским) (*Россия регионов... 2000; Региональные элиты... 2001*); адаптация концепции к региональному уровню вряд ли вызовет особые затруднения, поскольку российское политическое пространство имеет вполне различимые локусы региональной власти, которые уже стали предметом исследования в отечественной политической науке и социологии.

* * *

Таким образом, история изучения власти в городских сообществах демонстрирует в целом успешный опыт развития одной из отраслей социального знания. Зародившись в США, она постепенно получила признание и в странах с иными социально-политическими и институциональными характеристиками; при этом существенные различия контекстов не помешали исследователям из западной, а позднее центральной и восточной Европы использовать зарубежный опыт, получить интересные результаты и поместить исследования власти в локальных сообществах в сравнительную перспективу. В процессе своего развития теоретические модели корректировались, совершенствовались и адаптировались к новым условиям, что и стало залогом их успешного применения. Их растущая популярность в России свидетельствует о том, что отечественная социальная наука постепенно интегрируется в международное научное сообщество и готова внести вклад в изучение феномена власти.

ЛИТЕРАТУРА

Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53-62.

Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32-60.

Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 23-52.

Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 393-395.

Ледяев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3-4. С. 46-68.

Ледяев В.Г. Сравнительные исследования власти в городских сообществах разных стран: проект Делберта Миллера // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 73-90.

Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: опыт эмпирического исследования // Элиты и власть в российском социальном пространстве / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 205-224.

Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. 46. С. 85-106.

Пустовойт Ю.А. Структуры власти в крупных индустриальных городах: теория и практика эмпирических исследований // Индустриальный город в постиндустриальную эпоху. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2013. С. 78-87

Региональные элиты Северо-Запада России / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетей, 2001; Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010.

Россия регионов: трансформация политических режимов / Под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000.

Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 63-72.

Туrowsкий Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77-95.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малых российских городах: взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти // Мир России. 2015. № 3.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88-105.

Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 2.

Gel'man V., Ryzhenkov S. Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 3. P. 449-465; Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418-442.

Harding A. Regime formation in Manchester and Edinburgh // The New Politics of British Local Government / Ed. by Gerry Stoker. Basingstoke and London: Macmillan, 2000. P. 54-71.

Harding A. The history of community power // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27-39.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29. № 5. P. 435-453.

Kantor P., Savitch H.V., Haddock S.V. The political economy of urban regimes // *Urban Affairs Review*. 1997. Vol. 32. № 3. P. 348-377.

Koch F. A new form of urban governance? The polity, politics and policy of urban development in post-socialist Warsaw // *Living in the 21st Century City. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference*. Amsterdam: Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies, 2009b. P. 129-139.

Koch F. Housing Markets and Urban Regime: The Case of Warsaw // *Urban Governance in Europe* /Ed. by Frank Eckardt Frank and Ingemar Elander. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2009a. P. 333-357.

Kulcsar L.J., Domokos T. The post-socialist growth machine: the case of Hungary // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. Vol. 29. № 3. P. 550-563.

Leach R., Percy-Smith J. *Local Governance in Britain*. London: Palgrave, 2001. P. 1.

Miller D.C. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 23. № 1. P. 9-15; *Miller D.C.* *International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities*. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.

Newton K. Community politics and decision-making: The American experience and its lessons // *Essays on The Study of Urban Politics* / Ed. by Ken Young. London: Macmillan, 1975. P. 12.

Newton K. *Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham*. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 3.

Pierre J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // *Urban Affairs Review*. 1999. Vol. 34. № 3. P. 377-389.

Sagan I. Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // *De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe and Latin America* /Ed. by James W. Scott. Ashgate: Aldershot, 2008. P. 93-109.

Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. P. 6.

Stone C.N. The elite view // *Community Power: Directions for Future Research* / Ed. by Robert J. Wast. Beverly Hills: Sage Publications, 1986. P. 84.

REFERENCES

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast v mal'nykh rossiyskikh gorodakh: vzaimodeystvie ispolnitel'noy i zakonodatel'noy vetvey vlasti [*Chirikova A.E., Ledyayev V.G.* Power in small Russian towns: the interaction of the executive and legislative branches] // *Mir Rossii*. 2015. № 3 (in Russian).

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. Vlast v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov [*Chirikova A.E., Ledyayev V.G.,*

Seltzer D.G. Authorities in a small Russian town: the configuration and interaction of the main actors]// Polis. 2014. № 2. P. 88-105 (in Russian).

Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 2.

Gel'man V., Ryzhenkov S. Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 3. P. 449-465; Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418-442.

Gelman V. Vlast, upravlenie i lokalnyie rezhimyi v Rossii [Gelman V. Power, Control and local regimes in Russia] // Neprikosnovennyiy zapas. 2010. № 2. P. 53-62 (in Russian).

Harding A. Regime formation in Manchester and Edinburgh // The New Politics of British Local Government / Ed. by Gerry Stoker. Basingstoke and London: Macmillan, 2000. P. 54-71.

Harding A. The history of community power // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27-39.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29. № 5. P. 435-453.

Kantor P., Savitch H.V., Haddock S.V. The political economy of urban regimes // Urban Affairs review. 1997. Vol. 32. № 3. P. 348-377.

Koch F. A new form of urban governance? The polity, politics and policy of urban development in post-socialist Warsaw // Living in the 21st Century City. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference. Amsterdam: Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies, 2009. P. 129-139.

Koch F. Housing Markets and Urban Regime: The Case of Warsaw // Urban Governance in Europe /Ed. by Frank Eckardt Frank and Ingemar Elander. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2009. P. 333-357.

Kulcsar L.J., Domokos T. The post-socialist growth machine: the case of Hungary // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29. № 3. P. 550-563.

Leach R., Percy-Smith J. Local Governance in Britain. London: Palgrave, 2001. P. 1.

Ledyayev V.G. Gorodskie politicheskie rezhimyi: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya [Ledyayev V.G. Urban political regimes: Theory and Practice of an Empirical Research] // Politicheskaya nauka. 2008. № 3. P. 32-60 (in Russian).

Ledyayev V.G. Izuchenie vlasti v gorodskih soobshchestvah: osnovnyie etapy i modeli issledovaniya [Ledyayev V.G. The study of power in urban communities: the basic stages of research and models] // Neprikosnovennyiy zapas. 2010. № 2. P. 23-52 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti [*Ledyayev V.G.* Sociology of power. Theory and Empirical Research of power]. Moscow, Izdatelskiy dom Vyisshyey shkolyi ekonomiki, 2012. P. 393-395 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti: teoriya gorodskih politicheskikh rezhimov [*Ledyayev V.G.* Sociology of power: theory of urban political regimes] // Sotsiologicheskii zhurnal. 2006. № 3-4. P. 46-68 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sravnitelnyie issledovaniya vlasti v gorodskih soobshchestvah raznykh stran: proekt Delberta Millera [*Ledyayev V.G.* The comparative study of power in the urban communities of different countries: draft Delbert Miller] // Sravnitel'naya politika. 2010. № 1. P. 73-90 (in Russian).

Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Mnogomernost politicheskoy vlasti: opyt empiricheskogo issledovaniya [*Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M.* The multidimensionality of the political power: practice of the Empirical study] // Elityi i vlast v rossiyskom sotsialnom prostranstve / Pod red. A.V. Duki. SPb.: Intersotsis, 2008. P. 205-224 (in Russian).

Miller D.C. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. № 1. P. 9-15; *Miller D.C.* International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.

Newton K. Community politics and decision-making: The American experience and its lessons // Essays on The Study of Urban Politics / Ed. by Ken Young. London: Macmillan, 1975. P. 12.

Newton K. Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 3.

Pierre J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // Urban Affairs Review. 1999. Vol. 34. № 3. P. 377-389.

Pustovoyt Yu.A. Gorodskie politicheskie rezhimy: koordinatsiya vnutrielitnogo vzaimodeystviya v krupnykh industrialnykh gorodakh [*Pustovoyt Yu.A.* Urban political regimes: the coordination of intra-elite interactions in the major industrial cities] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2014. Vyip. 46. P. 85-106 (in Russian).

Pustovoyt Yu.A. Strukturyi vlasti v krupnykh industrialnykh gorodakh: teoriya i praktika empiricheskikh issledovaniy [*Pustovoyt Yu.A.* The power structure in large industrial cities: theory and practice of empirical studies] // Industrialnyy gorod v postindustrialnyuyu epohu. Novokuznetsk, NFI KemGU, 2013. P. 78-87 (in Russian).

Regionalnyie elityi Severo-Zapada Rossii [Regional elites in the North-West of Russia] / Ed. A.V. Duka. SPb, Aletyya, 2001; Chirikova A.E. Regionalnyie elityi Rossii [Chirikov AE The regional elite of Russia]. Moscow, Aspekt Press, 2010 (in Russian).

Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov [Regions in Russia: the transformation of the political regimes] / ed. V. Gelmana, S. Ryizhenkova, M. Bri. Moscow, Ves mir, 2000 (in Russian).

Ryizhenkov S. Lokalnyie rezhimyi i «vertikal vlasti» [*Rizhenkov S.* Local modes and the “vertical of power”] // *Neprikosnovennyiy zapas.* 2010. № 2. P. 63-72 (in Russian).

Sagan I. Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // *De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe and Latin America* / Ed. by James W. Scott. Ashgate: Aldershot, 2008. P. 93-109.

Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. P. 6.

Stone C.N. The elite view // *Community Power: Directions for Future Research* / Ed. by Robert J. Waste. Beverly Hills: Sage Publications, 1986. P. 84.

Turovskiy R.F. Regionalnyie politicheskie rezhimyi v Rossii: k metodologii analiza [*Turovsky R.F.* Regional political regimes in Russia: a methodology for analyzing] // *Polis.* 2009. № 2. P. 77-95.